

Чекист Пастаногов на крутых горках сталинской политики.

Современная историография содержит множество исследований, раскрывающих историю сталинизма через описание личных биографий деятелей советских спецслужб. Наиболее крупные работы посвящены руководителям ОГПУ-НКВД-МГБ – Ягоде, Ежову, Берии, Абакумову, Серову. Вместе с тем все больший интерес привлекают и менее крупные фигуры – региональные исполнители и деятели террора, в чьи руки находились многие нити сталинской политики и по воле которых также решались судьбы сотен тысяч советских граждан. Биографические очерки о работниках советских спецслужб публиковались либо как персональные жизнеописания чекистов, либо как фрагменты при изучении кадрового состава региональных управлений ОГПУ-НКВД. Ценный материал о чекистских кадрах получил отражение также в ряде солидных современных справочников.

Публикуемая статья посвящена биографии Константина Константиновича Пастаногова – одного из активнейших деятелей коммунистического террора 1930-х годов в Сибири, жизнь и карьера которого стали олицетворением истории многих сталинских карателей, вознесенных на вершины исполнительной власти, а затем сброшенных в пучину ГУЛАГа как «нарушители соцзаконности». В подлинном смысле это типичная история работника советских спецслужб эпохи сталинизма, ставшего государственным серийным убийцей наряду с сотнями других подобных персонажей в рядах НКВД. Крутые перемены в карьере этих людей, их быстрый служебный взлет, особые полномочия и высокие награды, были столь же закономерны, как и последующее изгнание из властной системы, часто кончавшееся мучительной смертью в тюремных стенах. Подобные «сталинские горки» пришлось испытать многим сотрудникам ОГПУ-НКВД. Но таким как Пастаногов повезло больше других: в условиях начавшейся войны в 1941 году они были признаны властью полезными исполнителями, получили амнистию, вновь пристроены на службу и в конце концов смогли относительно благополучно закончить свой жизненный путь.

Константин Пастаногов родился в 1907 г. в Красноярске в семье конторского служащего железнодорожной станции. С 1916 г. он учился в начальной школе, но успел окончить только три класса, так как после смерти матери в 1919 г. ему пришлось оставить учебу, чтобы помогать отцу содержать семью. Вскоре отец также заболел и покинул службу. Осенью 1920-го семья переехала на жительство в село Спасское (ныне – с. Венгерово Новосибирской обл.), где в это время проживали братья отца, почтовые служащие Михаил и Сергей Пастаноговы, у которых стало возможным получить временный приют и поддержку.

В течение года отец Константина вступил в партию коммунистов и благодаря этому получил должность секретаря волисполкома, а Константин смог вновь пойти в школу. Но с наступлением осенних холодов образование его опять прервалось из-за того, что не было теплой одежды. Пришлось начать самостоятельную трудовую жизнь. В 1921 г. 15-летний юноша стал работать переписчиком в волисполкоме соседнего села Усть-Тартас. Однако работать пришлось недолго. В начале 1921 г. отца Константина по решению уездного комитета РКП(б) отозвали из с. Спасское и назначили заместителем управляющего совхоза № 12, в трех километрах от г. Каинска (ныне г. Куйбышев). Сюда же переехали и стальные члены семьи. Через несколько месяцев совхоз прекратил существование, и Пастаногова-старшего перевели на новую должность – члена правления сельхозкооператива в с. Спасское.

В 1923 г. Константин вступил в комсомол, а с 1926-го началась чекистская карьера: его приняли на оперативную работу «специального назначения» в качестве сексота (секретного сотрудника, резидента) информационного отдела в Барабинском окротделе

ОГПУ, где ему предстояло пройти определенный испытательный срок для более серьезных дел. При этом официально он являлся членом, а затем председателем райкома профсоюза работников совторгслужащих, одновременно обучаясь на заочных курсах киномехаников. Спустя три года Пастаногов был принят на должность оперативного сотрудника (делопроизводителя, затем помощника уполномоченного) ОГПУ и стал активно продвигаться по службе. Теперь он – кадровый советский чекист и кандидат в члены коммунистической партии (с 1928 г.), готовый к исполнению самых ответственных поручений. «Общение с партийным чекистским коллективом, - писал он в одной из автобиографий, - было моей и общеобразовательной и политической школой. В непрерывной борьбе со всякими врагами народа формировалось и закреплялось во мне политическое сознание коммуниста»¹.

«Непрерывная борьба с врагами» началась с периода коллективизации: 23-летний Пастаногов впервые получает самостоятельный участок чекистской «работы». В феврале 1930-го, на пике кампании «ликвидации кулаков», его назначают на должность оперуполномоченного ОГПУ по Волчихинскому району на Алтае. С этого периода его жизненные циклы сосредоточились вокруг того, что выражалось понятиями «вскрывал», «ликвидировал», «разоблачал» и «громил». На месте нового назначения (Волчихино), сообщил Пастаногов, – «я ликвидировал ряд мною же вскрытых контрреволюционных кулацких формирований, направлявших свою вражью работу против организовавшихся в районе колхозов. В марте 1931 года я был направлен на работу в качестве районного уполномоченного ОГПУ по Юдинскому (ныне Чистоозерному) району. Работая в течение года в этом районе, я успешно вскрывал и ликвидировал ряд серьезных контрреволюционных формирований»².

Кроме основных обязанностей «вскрывать» и «ликвидировать», работа в окружном отделе ОГПУ была связана с исполнением еще одной деликатной функции. Каждый оперработник обязан был участвовать в «конечной процедуре» ликвидации «кулаков» – приведении смертных приговоров в исполнение. Как свидетельствовал в 1939 г. один из сотрудников НКВД, Горшенин, работавший с Пастаноговым в Барабинском окротделе, «в наряды по применению ВМН посылались все без исключения, я как секретарь, лицо не оперативное, или мой делопроизводитель Нечаев, также участвовали в этих операциях. Мне даже быв. начальником окротдела Плаховым поручалось иногда оставаться на яме и быть старшим среди оперативных работников окротдела ОГПУ, дабы не допускать безобразий (не было бы у ямы пьяных сотрудников и т.д.)»³. Требование соучастия являлось своего рода чекистской нормой, важной частью служебного долга и карьерного продвижения. Оно прочно связывало чекистский аппарат, формируя круговую поруку и замкнутую криминальную группировку в виде «сплоченных коллективов» на территории действия ячеек ОГПУ.⁴ Таким способом режим создавал надежный инструмент для достижения целей по искоренению многочисленных противников.

Весной 1932 г. наступает новая фаза в карьере Пастаногова – его переводят в Омск, где вновь назначают на должность оперуполномоченного. Этот эпизод своей службы он характеризует кратко: «За время работы в Омске я также лично вскрыл и ликвидировал ряд кулацко-бандитских формирований. Успешно боролся со злостными держателями золота, выкопал из земли и передал в фонд государства несколько десятков тысяч золотых рублей. За успешную борьбу с врагами революции в Омске бывшим ПП ОГПУ по

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 87.

² Там же.

³ Там же. Л. 44 об.

⁴ Развернутое описание этой стороны деятельности ОГПУ-НКВД приводится в работе: Тепляков А.Г. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920-1930-х годах. – М.: «Возвращение», 2007.

Запсибкраю [Н.Н. Алексеевым – С.П.] я был награжден в декабре 1932 г. боевым пистолетом»⁵.

В то время, как борьба с врагами и ее специфические законы уверенно вели Пастаногова по служебной лестнице, наполняя жизнь новыми впечатлениями и привилегиями, для остальных его родственников они повернулись обратной стороной. Еще в 1924 г. из партии был исключен отец Пастаногова. В период работы в потребкооперации он допустил растрату средств и его осудили на три года. Но основные потери в кругу родных произошли в период коллективизации. В 1930-м оба брата отца из села Спасское были репрессированы. Их объявили кулаками, а также установили, что в прошлом они служили урядниками в полиции. Михаил Павлович Пастаногов подвергся конфискации имущества и был выслан в Нарымский край, а Сергей Павлович по решению тройки ОГПУ расстрелян «за контрреволюционную деятельность». Пострадала и сестра Пастаногова, работавшая кассиром в сберкассе. В 1933 г. ее обвинили в хищении государственных средств и осудили на 10 лет концлагерей по закону от 7 августа 1932 г. об «охране социалистической собственности». Отсидев несколько лет, она была досрочно освобождена и жила в Красноярском крае.

Тем не менее столь компрометирующие факты личной биографии молодого чекиста не смогли испортить ему продвижение по службе. В августе 1933-го его перевели на работу уполномоченным в региональное управление в Новосибирске, в СПО (секретно-политический отдел) ПП ОГПУ Запсибкрая. Здесь открывались совершенно иные возможности и иные масштабы борьбы с врагами: объектами систематического подавления становились теперь не только сельские «кулаки», но и крупные вредительские и террористические «организации» городских и промышленных центров с тысячами участников, а также «диверсионные группы» троцкистов, эсеров и других антибольшевистских элементов, церковно-монархические и националистические «формирования».

В 1939 г., когда чекистские «успехи» Пастаногова внезапно превратились в «служебные преступления» и замаячил призрак тюрьмы, он стал писать пространные письма-покаяния по инстанциям, напоминая о своих заслугах перед партией и НКВД в надежде получить поддержку и избежать «необоснованных обвинений». В одном из них он сообщал:

«В 1933-1935 годах я работал уполномоченным, лично ликвидировал и участвовал в ликвидации многих важных формирований». Затем он перечислил «наиболее значительные из этих дел», представив по сути список крупнейших операций, проведенных 4-ым (секретно-политическим) отделом управления НКВД Запсибкрая. Это были дела:

«1. Диверсионной группы на золотопромышленном руднике «Коммунар» ныне Хакасской области; участники группы готовили взрыв новой, подготовленной к сдаче в эксплуатацию электростанции. Бывшие собственники, сужденные за контрреволюционную деятельность кулаки – таков был социальный состав этой группы. Группа была вскрыта и ликвидирована лично мной в конце 1933 г.

2. В 1935 г. ликвидировал к-р организацию, созданную в Нарыме колонией ссыльных анархистов, стремившихся восстановить анархистскую организацию в СССР, пытавшихся завязать связи с закордонными анархистскими кругами.

3. Активно участвовал в ликвидации и проведении следствия по делу вскрытой в 1934 г. в гор. Омске к-р организации т.н. «рабочей оппозиции».

4. В 1935 г. лично вскрыл и ликвидировал в Горно-Шорском районе к-р националистическую организацию, участники которой намеревались установить связи с ойротскими националистами, ставили своей задачей объединение Шории с Ойротией и провозглашение самостоятельного государства, независимого от СССР.

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 88.

5. В 1935 г. ликвидировал контрреволюционную группу, готовившую отравление слушателей Новосибирского института усовершенствования врачей.

6. В 1936 г. принимал активное участие в разгроме контрреволюционного троцкистского террористического центра, созданного в Сибири ссыльным троцкистом Мураловым, лично разоблачил в следствии члена Центра Сумецкого, допрашивал члена Центра Богуславского⁶, разоблачил прибывшего из Москвы в распоряжение Сибирского троцкистского Центра террориста Бермана, пытавшегося еще в Москве по заданию троцкистов совершить террористический акт над тов. Сталиным.

7. В том же, 1936 году, вскрыл и лично ликвидировал в Новосибирске созданную активным кадровым троцкистом Ходорозе⁷ террористическую группу, намеревавшуюся совершить террористический акт над тов. Сталиным и с этой целью пославшей в Москву вооруженного террориста Шлыкова, который, согласно полученных мной материалов, был разыскан, обезврежен и уничтожен.

8. В конце 1936 г. принимал активное непосредственное участие в проведении следствия по делу террористическо-диверсионной троцкистской организации в Кемерово, организовавшей взрыв газа на шахте «Центральная». Лично изобличил в контрреволюционной деятельности участника группы троцкиста Шубина. Дело этой группы общеизвестно под названием «Кемеровского процесса», происходившего в 1936 г. в Новосибирске»⁸.

В череде драматических событий по разоблачению врагов Пастаногов обретал необходимый опыт, получал такую чекистскую закалку, которая помогала ему преодолеть всякие сомнения и стать тем, кем он стал – циничным и безжалостным исполнителем самых грязных политических заказов. Особенно важную роль в формировании его «гибкой» партийно-чекистской морали сыграла борьба с «правотроцкистским подпольем», разоблачение вчерашних большевистских авторитетов. Сам Пастаногов объяснял это следующим образом (в одном из покаянных писем секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) Г.А. Боркову в августе 1939-го):

«За весь период моей работы в органах ОГПУ-НКВД я ясно понимал генеральную линию партии, никогда ни на йоту не сомневался в ее правоте! Я не сделал политических ошибок в тот период [начала 1930-х годов – С.П.], во-первых, потому, что тогда мне оказывали ежедневную практическую помощь секретари районных комитетов партии (я тогда работал в деревне), а во-вторых, потому, что и враг-то был отличен от общей массы трудящихся, отчетливо виден! (...)

Но борьба с троцкистской контрреволюцией резко отличалась от борьбы с кулачем и остатками белогвардейщины. Разница заключалась в том, что участники право-троцкистской организации имели, как правило, партийный билет в кармане, внешне ничем не отличались от честных коммунистов, а будучи арестованными, клялись в том, что всю свою жизнь только и делали, что боролись за генеральную линию партии,

⁶ Муралов Н.И. – советский военачальник, быв. командующий Московским военным округом. В 1928 г. сослан в Сибирь за участие в оппозиции. С 1933 г. – начальник сельхозотдела треста «Кузбассуголь». В апреле 1936 г. арестован, подвергнут пыткам, в феврале 1937 г. расстрелян.

Сумецкий М.И. – советский работник, член ВКП(б) с 1917 г., трижды исключался из партии. На 1936 – нач. Лестреста в Новосибирске. Расстрелян в апреле 1937 г.

Богуславский М.С. – советский гос. деятель, в 1924-1927 – пред. Малого Совнаркома РСФСР. Исключен из ВКП(б) и выслан в Сибирь за участие в троцкистской оппозиции. В 1928-1932 – зам. пред. Сиб. (Зап.-Сиб.) крайплана. В 1932-1936 – начальник строительства и первый директор завода горного оборудования (Новосибирский авиазавод). В августе 1936 арестован, в феврале 1937 расстрелян.

⁷ Ходорозе И.Н. – 1896 г.р., член ВКП(б) в 1919-1927 гг. На 1937 г. – товаровед-заготовитель ОРСа треста «Сибстройпуть». Арестован в сентябре 1935 г., расстрелян в апреле 1937 г.

⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 89-90. Жертвами перечисленных Пастаноговым чекистских операций оказались сотни граждан, расстрелянных или отправленных в лагеря ГУЛАГа. Все они были реабилитированы в 1950-е – 1990-е гг. Подробное описание этих событий см. в книгах: Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М.: РОССПЭН. 2012; Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. – М.: Новый Хронограф. 2008; и др.

а затем... рассказывали о том, как ими готовился взрыв на шахте «Центральная» в Кемерово, (...) как ими готовилось отторжение от СССР Сибири...»⁹

Итогом напряженной «борьбы с врагами народа» стало очередное служебное поощрение. В конце 1936 г. Пастаногова переводят на должность начальника отделения, а с 1937 г. – помощника начальника отдела УНКВД Запсибкрая. Это было высокое признание личных заслуг молодого чекиста. Ему всего 30, но он уже непосредственно причастен к выполнению важных секретных заданий высшего руководства страны, в ряду которых стояли ликвидация «троцкистского центра» и организация «Кемеровского процесса». 2 июля 1937 года по решению правительства СССР Пастаногов был награжден орденом «Знак Почета».

В середине 1937 г. в сталинской политике произошел новый поворот. Для каждого чекиста начался отсчет особого периода службы, который не имел еще прецедентов в советской карательной политике как по своему размаху, так и характеру намечаемых жертв. Одна за другой развернулась серия массовых операций НКВД, известных теперь как Большой террор. Объектами разоблачений становились не только бывшие «кулаки», «вредители», «церковники» и другие «бывшие люди», но и сам партийно-управленческий аппарат. Вполне естественно, что старшему лейтенанту госбезопасности Пастаногову пришлось погрузиться в самую гущу этих событий и сыграть в них немаловажную роль. Его стаж и новая должность в региональном аппарате НКВД свидетельствовали о том, что молодой чекист обладал уже навыками опытного оперативника и сформировался как тип особого психического склада и особой морали. Он не только лично участвовал в массовых расстрелах, как другие сотрудники НКВД, но и профессионально освоил «чекистские методы» оперативно-следственной работы: подлоги, шантаж, провокации, фальсификацию материалов и изощренные пытки. Все это благодаря старшим «товарищам» и «наставникам», сопровождавшим его на каждом этапе карьеры. В Барабинском окротделе это были М.А. Плахов и М.С. Панкратьев, в Новосибирском УНКВД – начальники управления Н.Н. Алексеев, В.А. Каруцкий, В.М. Курский, С.Н. Миронов, Г.Ф. Горбач, А.И. Мальцев и начальники помельче – А.К. Залпетер, А.И. Успенский, Д.Д. Гречухин, И.А. Жабрев, С.П. Попов, А.С. Ровинский, А.А. Яралянц, Н.Х. Мелехин и другие.

В июне 1937-го в Западной Сибири началась первая фаза одной из самых масштабных акций НКВД этого периода – ликвидация организации «РОВС» («Российского Общевоинского Союза»). Политическое оформление акции целиком основывалось на мифах и фантазиях НКВД, так как никакого «РОВС» в Сибири вовсе не существовало, но реальный замысел состоял в уничтожении целого слоя «бывших людей», рассеянных по сибирским просторам – бывших офицеров царской и колчаковской армий, чиновников свергнутого режима, полицейских, священнослужителей, высланных «кулаков» и прочих «враждебных элементов». Основная часть этих категорий, лишённая гражданских прав, была расселена в начале 1930-х годов в Нарымском округе Запсибкрая на положении ссыльных и рассматривалась как потенциальная угроза режиму.

К.К. Пастаногов в 1938 г.

В первых числах июля 1937 г. на изъятие «бывших» в Нарыме управление НКВД направило К.К. Пастаногова со специальной бригадой сотрудников. Операция предстояла грандиозная, поэтому в распоряжение новосибирского эmissара был передан весь состав

⁹ ГАНО. Ф. П- 4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 165об.-166.

Нарымского окружного отдела НКВД. Разделившись на несколько групп, чекисты разъехались по глубинным районам: проводили массовые аресты в селах и таежных поселках, готовили обвинительные материалы для судебной тройки. «Работали почти круглый день, спали по 3-4, самое большое по 5 часов в сутки», - описывал ситуацию один из ее участников, Н. Черных. Пока местные оперативники разоблачали «врагов» на периферии, Пастаногов, оставаясь с коллегами в Нарыме, находил время для развлечений: посадив на катер машинисток и кое-кого из жен нарымских сотрудников, катался по реке, выезжал на автомобиле на загородные прогулки, устраивал гулянки, кончавшиеся иногда пьяными скандалами со стрельбой. Но помнил и о выполнении задания. Бывший сотрудник УНКВД Балицкий рассказывал об одном из эпизодов операции по «РОВС»:

«В 1937 году Пастаногов, будучи в Нарыме с бригадой, под предлогом «РОВС» создали провокационные следственные дела как на организацию. Для этого Пастаногов собрал охотничьи ружья, изъятые у арестованных, приказал закопать их в лесу, после чего пригласили представителей из Окружкома и Окрисполкома, зафотографировали вскрытую яму с оружием, якобы приготовленным повстанческой организацией в Нарыме и оформили как повстанческое дело на всех арестованных»¹⁰.

В описании самого Пастаногова эта же операция выглядит как героический поход:

«В июле – августе 1937 г., будучи командирован в Нарым в качестве руководителя оперативной бригады, я организовал и руководил ликвидацией серьезной контрреволюционной организации, созданной в Нарыме офицерами старой и, главным образом, Белой армий. Эта организация возглавлялась быв. генералами Эскиным, Михайловым, быв. полковником Козловым, через генерала Колчаковской армии Пепеляева была связана с харбинскими белоэмигрантскими кругами и по заданию японской разведки готовила вооруженное восстание против советской власти.

Генерал Пепеляев был допрошен мною лично и уничтожен в 1938 г.»¹¹

Экспедиция опербригады Пастаногова продолжалась до конца августа 1937-го и завершилась огромным количеством жертв: внесудебным порядком (тройкой УНКВД Запсибкрая) были приговорены к расстрелу и различным срокам заключения в лагеря ГУЛАГа несколько тысяч арестованных ссыльных. Все приговоры вскоре были приведены в исполнение. Так маленькая группка вооруженных чекистов смогла без особого труда расправиться с многочисленной массой обреченных людей.

Нарымская операция получила высокую оценку руководителей. В сентябре Пастаногова продвинули на новую ступень, назначив начальником СПО – одного из главных отделов УНКВД (позднее переименован в «оперативный») – в связи с тем, что прежний начальник, С.П. Попов, освободил место, возглавив управление НКВД в только что созданном Алтайском крае.

Перед Пастаноговым открылись еще большие горизонты: развернулась серия таких драматических событий, которая заставила даже некоторых чекистов поменять свои прежние представления о политике большевистской партии и «чекистском долге». «Лимиты» и «особые задания» сталинского руководства на аресты и расстрелы «врагов» вылились по все стране в поток массовых погромов, захвативший также многих советских руководителей как «заговорщиков».

В письме-жалобе 1939 года (уже после своего падения) Пастаногов перечислял ряд террористических акций, где его личное участие имело ключевое значение. Он опять писал о том, как «вскрывал», «громил» и «ликвидировал»:

«С сентября 1937 г. по 5 апреля 1939 г. (т.е. за время работы начальником оперативного отдела) под моим непосредственным руководством [отдел]:

а) активно громил право-троцкистскую организацию в НСО, созданную врагами народа Эйхе и Грядинским.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 91.

б) вскрыл и ликвидировал серьезную меньшевистскую организацию, возглавлявшуюся т.н. Новосибирским национальным меньшевистским комитетом,

в) разгромил существовавшую в Новосибирске подпольную эсеровскую организацию,

г) ликвидировал созданную германской разведкой фашистскую организацию среди реакционно настроенной части медицинской интеллигенции,

д) разгромил церковно-монархическую организацию, располагавшую 3000 руб., предназначенных для проведения контрреволюционной работы и хранившей в контрреволюционных целях запас колчаковских воззваний и контрреволюционных листовок,

е) ликвидировал серьезную организацию т.н. «Трудовой Крестьянской партии», организовававшую и проводившую большую вредительскую работу в сельском хозяйстве края»¹².

Архивные документы сохранили для нас убедительные свидетельства о реальных масштабах операций, которые Пастаногов ставил себе в заслугу. Так, в секретном отчете управления НКВД по Новосибирской области (современные Томская, Кемеровская, Новосибирская области и Алтайский край) об оперативной деятельности за 1937-й отмечалось, что в течение года количество изъятых «врагов» составило:

- «Право-троцкистская организация, руководители – Грядинский, Воронин, Миллер, Кудрявцев и др.» – 1011 человек;

- «Эсеровская террористическая шпионско-диверсионная организация» – 617 человек;

- «Белогвардейско-монархическая организация РОВС» – 20731 человек;

- «Церковно-монархическая повстанческая организация» – 1562 человека;

- «Сибирский филиал диверсионно-вредительской повстанческой организации «Трудовая Крестьянская партия» – 3617 человек...»¹³

Эти шокирующие цифры отражают лишь одну из сторон участия Пастаногова и его подельников в кампании террора. Более полную картину позволяют составить сведения о том, что происходило в застенках НКВД. Чтобы подготовить обвинительные материалы на огромное количество арестованных, заполнить различные справки и протоколы допросов, хотя бы по форме напоминающие какое-то следствие, громилы НКВД должны были трудиться не покладая рук. Гораздо проще было бы всех арестованных расстрелять или отправить в лагеря без всяких процедур, но сталинской верхушке важно было сохранять видимость законности, иначе произвол и насилие потеряли бы всякие рамки. Проблема, однако, состояла в том, чтобы заставить арестованных подписывать лживые обвинения и давать показания на других, прежде чем суд или тройка вынесет приговор. Тут нужны были специфические приемы и особое отношение к человеческой морали.

К 1937 г. Пастаногов уже не только твердо усвоил главные приемы ведения «следствия», но и уверенно учил подчиненных чекистскому «мастерству». К этому времени ему удалось достичь высокой эффективности в получении любых признаний арестованных: систематические пытки и истязания стали повседневной частью его «работы». О том, как решались задачи следствия в кабинетах Пастаногова и его подчиненных, сохранились живые свидетельства, полученные от одного из сотрудников краевого управления НКВД, Бориса Сойфера, отсидевшего в застенках новосибирской тюрьмы более двух лет вместе со многими бывшими партработниками и управленцами. В подробном письме наркому НКВД Л.П. Берии и секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) Г.И. Боркову Сойфер писал:

¹² Там же. Л. 91-92.

¹³ Архив УФСБ по НСО. Доклад об итогах оперативной деятельности УНКВД по Новосибирской области за 1937 год. Приложение.

«Бывший секретарь Октябрьского райкома ВКП(б) г. Новосибирска Силантьев рассказал мне, что (...) его в камеру не поместили, а привели сразу в кабинет к Большакову [помощник Пастаногова – С.П.] и в течение 33-х дней ему был устроен конвейерный «допрос». Его пытали, не выпускали из кабинета, есть давали один раз в день через 3-4-5 дней и не давали спать, заставляя все время сидеть на устроенной для пыток табуретке, и когда, сидя он измученный дремал, Большаков его избивал кулаками под бок. Пастаногов и Большаков продержали его 60 часов стоя на ногах, пока он не упал на пол, так как ноги у него опухли. (...) Он не согласился писать лжи... На 33-й день у него началось сильное кровотечение... В июне 1938 г. он умер. (...)

Арестованный зав. РайЗО Убинского района Шелегов рассказал мне в декабре 1938 года, что в 4 отделе под руководством Пастаногова и Дымнова его пытали, заставляли сидеть на табуретке с подложенными железками, которые резали тело, из ран текла кровь, пять дней держали на «конвейере», били, заставляли стоять...

Арестованный райпрокурор Мариинского района Гранин рассказал, что Пастаногов и Длужинский [заместитель Пастаногова – С.П.] держали его семь дней на «конвейере» и на выстойке...»¹⁴.

Младший лейтенант ГБ Б.И. Сойфер

Не менее трагичной оказалась судьба и самого Сойфера. Он попал под арест в феврале 1937 г. по фальшивому обвинению в причастности в прошлом к оппозиции и тут же был передан сотрудникам СПО, в руки Попова, Погодаева и Пастаногова. Его истязали путем обычного пыточного конвейера, пока он не утратил волю к сопротивлению. На одном из допросов Сойфер выбросился из окна 4-го этажа УНКВД на мостовую, чудом не погиб, но навсегда стал инвалидом. Когда его жена, студентка мединститута, стала звонить Пастаногову и требовать объяснить причины случившегося, а затем написала письмо Сталину и Вышинскому, она также была арестована и подвергнута пыткам. На свободу она смогла выйти лишь спустя 14 месяцев.

Особые следственные «успехи» Пастаногова достигались и другим способом – путем использования провокаторов. Одним из наиболее полезных его агентов являлся бывший коммунист и участник оппозиции Е.С. Франконтель, арестованный в апреле 1936 г., а затем превращенный во внутри камерного агента по «обработке» заключенных. Подписав с руководством УНКВД письменное согласие о сотрудничестве, этот агент проявил невероятный талант провокатора, сумев склонить к самооговору и вымышленным признаниям большое количество статусных узников новосибирской тюрьмы. В 1939 г., в период расследования «нарушений соцзаконности», Франконтелю пришлось также давать показания на своих нанимателей. Он сообщал:

«...Как я работал, какие методы употреблял, никто никогда не спрашивал, и я никому не говорил. Для Попова и для других моих начальников был важен результат, чтобы человек дал показания. И давали всегда мне самых упорных.

С Поповым я в основном работал по разоружению троцкистской организации и организации троцкистов в Зап. Сиб. ВО. Через меня прошли члены центра: сначала Яковлев, потом Падарин и Кузьмин Н.Н.¹⁵ (...) С Поповым я еще начал работать над правыми (Фомин¹⁶ и весь центр правых).

¹⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 74. Л. 147-179.

¹⁵ **Яковлев М.Я.** – военнослужащий, начальник отдела агитации и пропаганды политуправления СибВО, батальонный комиссар. Арестован в апреле 1937 г. по обвинению в связях с троцкистами. Расстрелян в октябре 1937-го.

Падарин Н.И. – советский военачальник, на 1937 – зам. начальника политуправления СибВО, дивизионный комиссар, арестован как «активный зиновьевец», расстрелян в октябре 1937 г.

Второй период можно назвать Пастаноговским. От него я начал получать задания еще при Попове. С ним я работал над партизанской организацией. В частности, большую и очень трудную работу пришлось проделать с руководителем всей партизанской организации Сибири Шевелевым-Лубковым¹⁷ и другими партизанами. Когда Пастаногов остался руководителем отдела, основная работа шла преимущественно над центром право-троцкистов. Через меня прошли из этого центра Воронин, Колотилов¹⁸ и др. Кроме них, целый ряд людей актива и рядовых членов. После этой работы началась большая работа над параллельным центром право-троцкистов. Через меня прошли Миллер, Шварц, Ляшенко¹⁹. За время работы с Пастаноговым я еще имел задание от него и Мальцева в отношении руководителя монархической организации генерала Пеняева, что тоже было выполнено. Весь 1938 год прошел у меня над работой с членами право-троцкистской организации (член бюро крайкома, член президиума крайисполкома, секретари парторганизаций и т.п.). Особенная по темпам была работа в этом году над судебными работниками. Через меня прошли семь прокуроров, в том числе два заместителя Баркова²⁰ и председатель обл. суда Островский.

Кроме перечисленных «центров» надо еще упомянуть о работе над центром Трудовой Крестьянской партии (Лелен, Марковский и др.). Через меня прошел также руководитель центра церковников – Кухман О.Ю.

1939 год начался с завершения работы над право-троцкистами и началом работы над религиозниками. Последнее задание от Пастаногова я получил 15 марта 1939 года в отношении баптиста Ананьина. Моя задача состояла в том, чтобы: 1) войти к нему в доверие и сделаться баптистом, 2) достать от него явки в баптистскую организацию на воле и 3) выявить, что вместе с ней представляет Ананьин как антисоветский человек. Все мною было выполнено²¹.

Между тем, с ноября 1938 г. события в стране и внутри самого НКВД стали принимать неожиданный оборот: кампания массовых операций резко сменилась периодом «восстановления законности». Вчерашние «герои-чекисты» и «орденоносцы» стали один за другим превращаться в «нарушителей», «провокаторов» и «карьеристов». В конце 1938 – начале 1939 гг. пали бывшие начальники управлений и главные покровители Пастаногова – Мальцев, Горбач и Попов. Смещены и расстреляны прежние руководители Новосибирского обкома ВКП(б). Вслед за этим стало ухудшаться положение и Пастаногова. Первым сигналом для него было так называемое «детское дело». Оно возникло в результате массового ареста «враждебных элементов» в феврале 1938 г. в г. Ленинск-Кузнецке, 11 из которых оказались несовершеннолетние в возрасте от 12-ти лет. По отработанной методике к арестованным детям, как и другим, применили пыточные

Кузьмин Н.Н. – советский военачальник, в 1930-1932 – нач. политуправления СибВО. На 1937 – нач. водной конторы Омского управления Главсевморпути. В мае 1937 арестован, в феврале 1939 г. расстрелян.

¹⁶ **Фомин Е.В.** – в 1932-1937 – зав. Зап.-Сиб. краевым земельным управлением, в апреле 1937 арестован, в октябре 1937 г. расстрелян.

¹⁷ **Шевелев-Лубков В.П.** – бывший командир партизанского отряда в период гражданской войны, арестован в 1936 как участник троцкистской оппозиции, в июле 1937 г. расстрелян.

¹⁸ **Воронин Д.И.** – 1-й зам. председателя Зап.-Сиб. крайисполкома. В июле 1937 арестован, в августе 1938 г. расстрелян.

Колотилов А.И. – зав. сельхозотделом Зап.-Сиб. крайкома ВКП(б), в июле 1937 г. арестован, в октябре 1937 расстрелян.

¹⁹ **Миллер И.М.** – в 1935-1937 гг. – 1-й секретарь Новосибирского горкома ВКП(б), в ноябре 1937 г. арестован, в июне 1938 г. расстрелян.

Шварц С.А. – в 1937-1938 – председатель Новосибирского облисполкома, расстрелян в июне 1938 г.

Ляшенко И.И. – зав. отделом руководящих партийных органов Запсибкрайкома (Новосибирского обкома) ВКП(б), и.о. 1-го секретаря обкома ВКП(б), расстрелян в сентябре 1939 г.

²⁰ **Барков И.И.** – с 02.1933 по 02.1938 – прокурор Запсибкрая (Новосибирской области), арестован в марте 1938 г. как участник «правотроцкистского заговора». В результате пыток в 4-ом отделе УНКВД покончил жизнь самоубийством 28.04.1938, выбросившись из окна 4-го этажа.

²¹ Архив УФСБ по НСО. Д.8437. Л. 367-368.

приемы и оформили как участников «троцкистско-фашистской организации». Затем обвинительное заключение передали в управление НКВД (в нем уже фигурировали 160 человек), а Пастаногов и Мальцев утвердили его и направили военному прокурору. Только после этого о «деле» стало известно в Новосибирском обкоме ВКП(б). Началось расследование и выявление виновных. На заседании бюро обкома 13 декабря 1938 года обоим начальникам был объявлен выговор «за халатность и проявленную политическую близорукость».

Но процесс «возвращения к законности» требовал дальнейших разоблачений. На Пастаногова и ряд других «нарушителей» стали поступать новые обвинительные материалы как со стороны жертв арестов, так и сослуживцев. Открылись шокирующие факты многочисленных чекистских преступлений, о которых, однако, старались говорить лишь при закрытых дверях. Пастаногову и другим «пособникам» «врагов народа проникших в органы НКВД» предстояло исполнить роль показательного примера «очищения рядов».

В феврале 1939-го на общем партсобрании сотрудников УГБ УНКВД Пастаногова исключили из списка делегатов на партконференцию Дзержинского района, приняв во внимание выговор по «детскому делу». А 4 марта по решению бюро обкома ВКП(б) четыре руководителя из УНКВД по НСО – К.К. Пастаногов, заместитель начальника УНКВД А.С. Ровинский, начальник 6-го отдела А.В. Баталин и начальник отдела кадров УНКВД Н.С. Кравчинский – были сняты с должностей и уволены из органов НКВД²².

До окончательного краха оставался последний шаг. 13 апреля вопрос о Пастаногове рассматривался на закрытом общем собрании коммунистов УГБ УНКВД «в порядке общей очереди». Собрание началось вечером и продолжалось всю ночь и только в четыре часа утра перешли наконец к рассмотрению «дела» о Пастаногове. После того как выступило несколько сотрудников с осуждением «нарушений», высказался и главный виновник. Он признал, что допустил ряд «ошибок» в работе и, в частности, «не принял мер к своевременному разоблачению врагов народа Горбача и Мальцева», «недостаточно глубоко и внимательно отнесся к отдельным следственным делам, в результате чего люди длительное время напрасно находились под арестом...». В итоге было принято постановление: «Пастаногова К.К. как подхалима перед врагами народа Горбачом и Мальцевым и как карьериста, проводившего на практике вражеские дела в следственной работе, создававшего провокационные дела, из партии исключить и поставить перед командованием вопрос о привлечении Пастаногова к уголовной ответственности».

В кампанию разоблачения «незаконных методов» включился и Новосибирский обком ВКП(б), получивший в этот период поток отчаянных жалоб и заявлений коммунистов из тюремных застенков. Одна из таких жалоб, составленная на 35 листах, произвела очевидно особенно сильное впечатление. Это было письмо Бориса Сойфера о перенесенных им истязаниях, следственных подлогах в УНКВД и попытке самоубийства. О нем секретарь обкома Г. Борков посчитал необходимым лично доложить Сталину. В июне 1939 г. он писал (не соблюдая даже норм общения с вождем):

«Направляю Вам заявление б. сотрудника 2 отделения 4 отдела УГБ УНКВД по НСО Сойфер Б.И., прошу Вас, товарищ Сталин ознакомиться с этим документом, изобличающим подрывную работу врагов народа пробравшихся в органы НКВД и дать указание тов. Берия, во-первых, о привлечении к уголовной ответственности б. зам. нач. УНКВД по НСО Ровинского А.С., работающего в настоящее время в системе Дальлага НКВД, и Пастаногова К.К., не так давно снятого с работы в органах НКВД и исключенного из партии. Ровинского и Пастаногова я просил бы немедленно арестовать...»²³.

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 124-а. Л. 10.

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 74. Л. 144.

Но арест откладывался, так как из Москвы указаний не поступало. Пастаногов тем временем перешел на положение рядового гражданина. Он устроился работать шофером в Автогужтресте и продолжал рассылать жалостные письма, усеянные вопросительными и восклицательными знаками, с одним известным мотивом – «ЗА ЧТО?!». В одном из писем в райком ВКП(б) он писал: *«Неужели я, проведший всю свою сознательную жизнь в партийно-чекистском коллективе, в борьбе с контр-революцией, заслуживаю того, чтобы меня вышвырнуть из этого коллектива, выгнать из партии? Да лучше смерть!!! Я прошу райком справедливее подойти ко мне, подойти так, как партия и тов. Сталин учат подходить к живым людям, не приговаривать меня к политическому расстрелу, а дать возможность на любой работе, пусть она будет самой маленькой, пусть это будет руль грузовой автомашины, что угодно, и на деле доказать, что я был, есть и буду большевиком. Другого пути у меня нет!»*²⁴.

Развязка наступила в конце 1939-го. 20 декабря Пастаногов был арестован и помещен в тюрьму № 1 при УНКВД. Следствие велось почти целый год. 18 ноября 1940 г. под председательством бригадюрюриста Г.М. Кулика начался суд военного трибунала, перед которым предстала группа бывших работников НКВД. Пастаногову были предъявлены обвинения в незаконных арестах людей в основном из числа партийно-советских кадров, работников суда и прокуратуры, в нарушении следственных процедур и в том, что «лично добивался вымышленных провокационных показаний». Суд продолжался почти 5 дней. Вердикт гласил: Пастаногова приговорить к 8-ми годам ИТЛ, лишить звания старшего лейтенанта ГБ и ордена «Знак Почета».

Но в далекие лагерные края ехать не пришлось. Осужденного определили в Новосибирское отделение ГУЛАГа, назначив лагерным старостой. Такой исход дела ясно показывал, что система не только «своих не бросает», но и дает надежные гарантии: начальник УНКВД НСО Ф.М. Медведев вскоре распорядился запретить перевод Пастаногова в какое-либо другое место. Поэтому предстоящий тюремный срок уже не казался таким суровым, как для других заключенных.

Лагерная жизнь протекала в непринужденной обстановке. Как отмечало тюремное начальство, Пастаногов «принимал активное участие в общественной и культурно-воспитательной работе», а также руководил изданием стенной газеты, «заостря внимание лагерного коллектива на борьбу за лучшие производственные показатели»²⁵.

Спустя шесть месяцев началась война с Германией, позволившая бывшему чекисту закрыть свое мрачное прошлое и начать новую биографию. В июне 1941 г. Пастаногов написал заявление на имя наркома Л. Берии с просьбой об освобождении из заключения, чтобы включиться в борьбу с захватчиками. Через местное управление НКВД заявление было направлено в Москву, и НКВД возбудило ходатайство. Решение от имени Президиума Верховного Совета СССР пришло только в начале декабря: «Пастаногова К.К. из ИТЛ досрочно освободить и снять судимость». Органы НКВД вновь приняли отвергнутого в свои ряды как полноценного сотрудника.

Реабилитированного чекиста назначили оперативником в партизанский отряд Д.Н. Медведева для участия в специальных операциях в тылу противника. В задачи отряда входило выполнение очень опасных заданий – уничтожение оккупационной администрации, подразделений эсесовских и армейских войск врага на территории Украины. Пастаногов участвовал в двух продолжительных боевых рейдах в 1942 г. Во время второй операции в ноябре он получил ранение в плечо разрывной пулей и после этого самолетом был переправлен в Москву. Учитывая просьбу раненого, командование направило его для лечения в Новосибирск, где проживала его семья. В сопроводительном письме в УНКВД по НСО начальник специальных операций НКВД СССР П.А. Судоплатов сообщал: «Тов. Пастаногов в тяжелых условиях фашистского тыла проявил

²⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 139.

²⁵ Там же. Л. 185.

себя смелым, настойчивым чекистом-разведчиком. Прошу оказать тов. Пастаногову содействие в организации лечения, а также оказать помощь в бытовых вопросах»²⁶. В декабре 1943-го демобилизованный разведчик был награжден орденом Красной Звезды.

К.К. Пастаногов (в верхнем ряду крайний справа) в партизанском отряде НКВД «Победители» в составе бывших сотрудников НКВД. 1942 г. Западная Украина.

В Новосибирске Пастаногов очутился в привычной атмосфере. В областном управлении НКВД продолжали работать некоторые из его прежних сослуживцев, готовые оказывать поддержку, здесь же ему предоставили лечение в санчасти и помогли с продуктами. В конце 1942 г. он обратился в обком ВКП(б) с заявлением о восстановлении в партии, подтвердив раскаяние за прошлое. «Ошибки, допущенные мной в 1937/38 г. я понял, – написал он, – больше никогда не допущу ничего подобного». Ходатайство о пересмотре дела об исключении поддержала парторганизация УНКВД, и 1 февраля 1943 г. обком восстановил Пастаногова в рядах ВКП(б).

После окончательного выздоровления его, как и многих других списанных с оперативной работы, определили на службу в ГУЛАГ. Он стал помощником начальника управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛиК) Новосибирской области. С марта 1945 г. он – начальник отдела по делам военнопленных этого ведомства, а затем – начальник отдела «Смерш» УМВД НСО по обслуживанию личного состава милиции и пожарной охраны. Есть сведения, что на новом месте службы Пастаногов вновь «допускал незаконные аресты» и «применял неправильные методы» следствия, за что «неоднократно переводился на работу в другие области»²⁷.

²⁶ Там же. Л. 188.

²⁷ https://karagodin.org/?attachment_id=28965

Майор МВД К.К. Пастаногов (слева) с женой и сыном. 1954 г.

Для описания послевоенного периода жизни и службы Пастаногова существует не так много доступных материалов, как о периоде 1930-х годов. Известно лишь, что в начале 1950-х он продолжал карьеру в подразделениях ГУЛАГа. К этому времени сеть лагерей и колоний в Сибири уже в несколько раз превышала масштабы эпохи 30-х годов: сотни тысяч заключенных вместе с военнопленными возводили города, строили новые дороги, шахты и рудники, осваивали огромные лесные массивы края. Для таких как Пастаногов имелись широкие перспективы для использования навыков специфической госслужбы. Как старшего офицера, бывшего чекиста поставили на должность заместителя начальника спецотделения в управлении Спецлеса Севкузбасслага МВД СССР в Кемеровской области.

Однако вскоре карьера рухнула вновь. В феврале 1954 г., сообщает один из источников, по решению Анжеро-Судженского райкома КПСС Пастаногов был исключен из партии «как не оправдавший доверия». Причиной его повторного изгнания послужил внутри аппаратный конфликт: «написал в обком и политотдел лагеря несколько заявлений, в коих наряду с правильными замечаниями в адрес своего начальника Чижикова, называл его авантюристом и разложившимся человеком»²⁸. В марте 1954-го Пастаногова уволили из МВД. Перейдя на пенсию, он некоторое время жил в поселке Яя в Кемеровской области, а затем в городе Канске Красноярского края. Умер в начале 1960-х годов.

Жизнь и судьба К.К. Пастаногова – во многом типичный путь советского чекиста, заурядного представителя среднего управленческого слоя 1930-х – 1950-х годов, воспитанного зверствами сталинской политики, для которого обслуживание диктатуры было основным смыслом и источником существования. Не освоив даже уровень восьмилетней школы, эти люди стали одной из главных опор государства: получили широкие карательные полномочия и были включены в систему безжалостного подавления реальных или мнимых противников. С такими исполнителями режим мог поступать как угодно: поручал им ликвидацию сотен и тысяч «врагов», после чего без колебаний расправлялся с самими «ликвидаторами» во имя «восстановления законности», а уцелевшим предоставлял новый шанс для продолжения службы. Во всяком случае они всегда оставались на коротком поводке у режима, воспринимая это как «честное исполнение чекистского долга». Столь специфические взаимоотношения с властью были для них чем-то вроде «русской рулетки», где ставкой служили карьера и жизнь исполнителей преступных приказов, тогда как для самой власти это означало лишь очищение от «грязных пятен» и избавление от лишних свидетелей.

²⁸ Там же.

Фото – с сайта «Галовская трагедия» (https://karagodin.org/?attachment_id=28965)